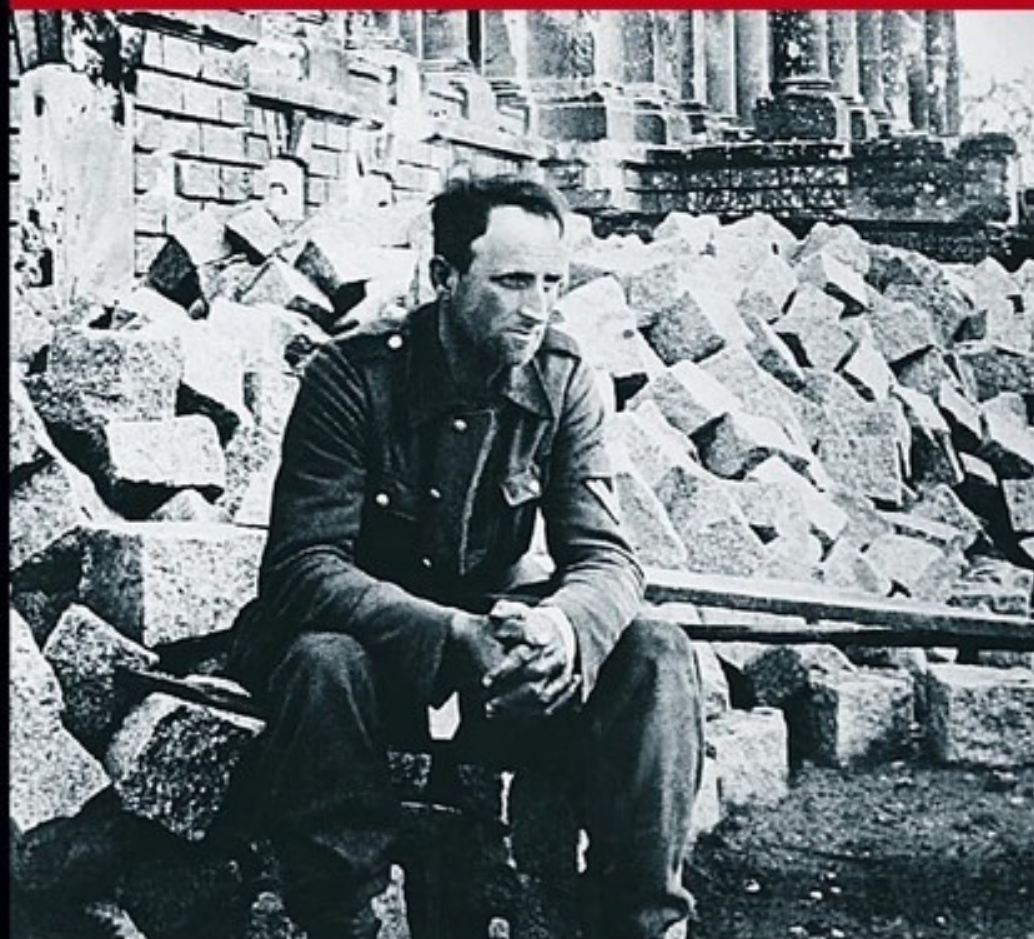

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Петер Гостони

БИТВА ЗА БЕРЛИН

**В ВОСПОМИНАНИЯХ
ОЧЕВИДЦЕВ**

1944—1945

За линией фронта. Военная история

Петер Гостони

**Битва за Берлин. В воспоминаниях
очевидцев. 1944-1945**

«Центрполиграф»

2013

Гостони П.

Битва за Берлин. В воспоминаниях очевидцев. 1944-1945 /
П. Гостони — «Центрполиграф», 2013 — (За линией фронта.
Военная история)

Боевые действия Берлинской операции отличались большим напряжением сил и упорством с обеих сторон. Уже понимая, что гибель неизбежна, гитлеровская клика требовала от германских войск оказывать сопротивление до последнего патрона и до последнего человека... Известный военный историк Петер Гостони посвятил свою книгу заключительному этапу Второй мировой войны: широкомасштабному наступлению Красной армии на висло-одерском направлении, крупнейшей Берлинской операции и битве за Берлин. Опираясь на воспоминания очевидцев, автор с хронологической последовательностью описывает события разного масштаба, происходящие на театрах военных действий, на политической арене, в правительственном кабинете Сталина, в бункере Гитлера. Книга снабжена картами, схемами и фотоматериалами.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Петер Гостони
Битва за Берлин. В воспоминаниях
очевидцев. 1944—1945

Peter Gosztony

DER KAMPF UM BERLIN 1945 IN AUGENZEUGENBERICHTEN 1944–1945

Глава 1

От Вислы до Одера. «Вперед, в глубь Германии!»

Советский Союз встретил четвертую военную зиму. 7 ноября 1944 года. 27 лет тому назад был свергнут царский режим и объявлено о захвате власти Советами. (Царь Николай II отрекся от престола 2 (15) марта, а 25 октября (7 ноября) было свергнуто Временное правительство. — *Ред.*) С тех пор каждый год этот день празднуется самым торжественным образом. 7 ноября 1944 года войска Московского гарнизона были построены для парада на Красной площади. Погода в этот день стояла пасмурная и холодная. Руководство Советского Союза — представители партии, государства и армии — поднялось на трибуну Мавзолея В.И. Ленина, чтобы принять парад. В небе висели уродливые аэростаты заграждения. Над советской столицей кружили истребители. Однако их присутствие было вызвано не участием в параде, а скорее защитой от возможного налета немецкой авиации. Хотя дни, когда немецкие войска стояли у ворот Москвы, уже отошли в далекое прошлое и гитлеровские фашисты сейчас были отброшены в основном за границы Советского Союза, на расстояние почти тысячи километров от Москвы, в Кремле все еще предпринимались меры предосторожности, как в те ноябрьские дни 1941 года, поскольку и в Советском Союзе известна русская пословица: «Береженого Бог бережет». А от немцев действительно можно было всего ожидать. Перед собравшимися с торжественной речью выступил Сталин, Маршал Советского Союза и председатель Государственного Комитета Обороны:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза! Братья и сестры, насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю вас с 27-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Двадцать седьмую годовщину Октябрьской революции мы празднуем в обстановке решающих побед Красной армии над врагами нашей Отчизны. Героическими усилиями Красной армии и советского народа наша земля очищена от немецко-фашистских захватчиков.

В текущем году советские войска непрерывно обрушивали на врага удары, один сильнее другого. Зимой 1943/44 года Красная армия одержала выдающиеся победы на Право-бережной Украине и разгромила немцев под Ленинградом. Весной этого года Красная армия очистила от немцев Крым. Летом 1944 года наши войска нанесли гитлеровской армии крупнейшие поражения, которые привели к коренному изменению обстановки на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Красная армия сломала мощную оборону врага на Карельском перешейке, а также между Ладожским и Онежским озерами и выбила Финляндию из разбойничьего гитлеровского блока. В историческом сражении на белорусских землях войска Красной армии наголову разбили центральную группировку немецких войск в составе трех армий. <...> Красная армия разгромила немцев в Румынии, вышвырнула их из Болгарии, бьет немцев на территории Венгрии. Наши войска сокрушили Прибалтийскую группировку гитлеровской армии. За летнюю кампанию 1944 года Красная армия с боями прошла от Кишинева до Белграда, от Жлобина до Варшавы, от Витебска до Тильзита.

Война перенесена теперь на территорию фашистской Германии. <...> Советская государственная граница, вероломно нарушенная гитлеровскими полчищами 22 июня 1941 года, восстановлена на всем протяжении от Черного до Баренцева моря.

Таким образом, истекший год явился годом полного освобождения Советской земли от немецко-фашистских захватчиков».

Затем Сталин говорит о дальнейших целях Советского Союза:

«Красная армия и советский народ готовы нанести новые уничтожающие удары по врагу. Дни гитлеровского кровавого режима сочтены. Под ударами Красной армии окончательно развалился фашистский блок, гитлеровская Германия лишилась большинства своих союзников. Мастерски проведенные армиями наших союзников крупные операции в Западной Европе привели к разгрому немецких войск во Франции и Бельгии и освобождению этих стран от фашистской оккупации. Союзные войска перешли западную границу Германии. Совместные удары Красной армии и англо-американских войск по гитлеровской Германии приблизили час победоносного окончания войны. Завершается окружение гитлеровской Германии. Логово фашистского зверя обложено со всех сторон, и никакие ухищрения врага не спасут его от неминуемого полного разгрома.

Красная армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединенных наций в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию!»

Однако оптимизм, которым была пронизана речь Сталина, не разделялся его Генеральным штабом. Для выхода на западную государственную границу Советского Союза Красной армии пришлось смириться с большими потерями в живой силе и военной технике. Будущий генерал армии С.М. Штеменко, в 1944–1945 годах (с мая 1943 г. – *Ред.*) начальник оперативного управления Генерального штаба Красной армии, в своих мемуарах детально останавливается на этом вопросе: «Победы не позволяли нам передохнуть. Наши дивизии были сильно измотаны, ряды солдат поредели. Необходимо было перегруппировать и пополнить наши войска. Гитлер начал перебрасывать войска с Запада на Восточный фронт. Генеральному штабу предстояла большая работа».

В образцовом произведении русской (советской. – *Ред.*) историографии, «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», сообщается о дальнейших планах советского командования:

«Советское Верховное главнокомандование планировало решить эти задачи [уничтожить германские вооруженные силы и принудить фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции] в ходе одной-единственной военной кампании. Общий замысел такой кампании возник еще во время летнего наступления Красной армии в 1944 году, и в ноябре того же года он приобрел уже окончательный вид. После выполнения всех подготовительных мероприятий командующие фронтами изложили советскому Верховному главнокомандованию свои сообщения и предложения относительно предстоящих операций. Эти планы были скоординированы в Генеральном штабе, а в Ставке Верховного Главнокомандования прошло их обсуждение. После этого Ставка приняла окончательные решения и передала их фронтам в форме директив. В этом плане было предусмотрено одновременными решающими ударами на широком фронте уничтожить основные силы противника в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, в Венгрии и Австрии и выйти на линию устье Вислы– Быдгощ – Вроцлав – Моравская-Острава [Острава] – Вена. После этого надо было взять Берлин, освободить Прагу и тем самым победоносно закончить войну.

Для осуществления этого плана Верховное главнокомандование предусматривало целый ряд наступательных операций на всем протяжении германо-советского фронта. Наступление должно было разворачиваться на четырех стратегических направлениях – в направлении побережья Балтийского моря, на Берлин, Прагу и Вену.

3-й и 2-й Белорусские фронты, которые наступали в направлении побережья Балтийского моря, должны были занять Восточную Пруссию и побережье Балтийского моря до рубежа Мекленбургская бухта – река Эльба. Наступление советских войск вдоль побережья Балтийского моря должно было не только прикрывать действия 1-го Белорусского фронта с севера, но и

одновременно обеспечивать поддержку при разгроме основной группировки противника на берлинском направлении.

Главный удар должен был наноситься на стратегическом направлении на Берлин, от среднего течения Вислы через

Познань и Берлин до Эльбы. Наступление в этом районе позволяло советским войскам освободить всю Польшу, занять основную часть земли Бранденбург с таким важным политическим, стратегическим, административным и промышленным центром Германии, как Берлин, и выйти к Эльбе. В направлении на Берлин должны были наступать войска 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Наступающие в направлении на Прагу войска 1-го Украинского фронта (левый фланг) и 4-й Украинский фронт должны были занять Верхнюю и Нижнюю Силезию, а также освободить северные районы Чехословакии.

2-й и 3-й Украинские фронты, которые наступали в направлении на Вену, получили приказ освободить Венгрию, южную часть Чехословакии и Австрию, занять Вену и выйти на подступы к Южной Германии.

2-й и 1-й Прибалтийские фронты должны были продолжить уничтожение прижатой к побережью Курляндской группировки противника и предотвратить переброску ее соединений на другие участки фронта».

В этот, казалось, такой вполне выполнимый план в действительности пришлось внести много изменений, обусловленных ошибочными умозаключениями при планировании операций и изменением положения на фронтах. Несомненно, осенью 1944 года Верховное главнокомандование Красной армии просчиталось, когда планировало:

«<...> 4-й, 2-й и 3-й Украинские фронты при продолжении своего наступления в районе Дуная должны были действовать с учетом ожидаемых здесь вскоре политических событий. <...> Вполне реальной задачей нам казалось взятие Будапешта в самое ближайшее время [еще в ноябре 1944 года] и форсирование Дуная. Значительную часть войск противника в этом районе составляли венгерские дивизии, боеспособность которых упала до такой степени, что как среди венгерского населения, так и среди солдат царили антивоенные настроения. <...> К сожалению, вскоре выяснилось, что наш прогноз оказался ошибочным. Поддержанная немцами фашистская диктатура этой страны сумела снова привязать Венгрию к немецкой военной машине.

На фронте под Будапештом в октябре завязалось тяжелое и кровопролитное сражение. 2-му Украинскому фронту противостояла группировка противника численностью более 39 дивизий. Ядро этой группировки составляли семь танковых дивизий. Благодаря хорошо подготовленным системам долговременных укреплений противник сумел оказать ожесточенное сопротивление. Битва за Будапешт затянулась почти на три с половиной месяца.

Вследствие наших весьма ограниченных и незначительных успехов в Венгрии возникла необходимость в перегруппировке имевшихся в нашем распоряжении дивизий, в их лучшем вооружении и пополнении личным составом. <...>

В начале ноября 1944 года в Ставке Верховного Главнокомандования в Москве прошло обсуждение положения на 2-м Белорусском, 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Этим фронтам противостояли, хотя и не в полном составе, главные силы противника: группа армий «Центр» и группа армий «А». У нас было недостаточно сил, необходимых для разгрома этих вражеских группировок. Поэтому мы решили перейти к обороне на этом участке фронта, чтобы за это время подготовиться к наступлению на Берлин. <...> В ночь на 5 ноября Верховный главнокомандующий [Сталин] отдал соответствующий приказ командующим 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Несколько дней спустя тот же самый приказ получил и командующий 1-м Украинским фронтом, правое крыло которого должно было подготовиться к обороне.

Мы хотели провести последнюю кампанию войны против гитлеровской Германии в два решающих этапа. На первом этапе 2-й и 3-й Украинские фронты должны были занять Венгрию. Мы надеялись, что войска этих двух фронтов в течение двадцати – двадцати пяти дней продвинутся вперед до западной венгерской границы и до конца декабря 1944 года выйдут к Вене.

Генеральный штаб был убежден, что еще до начала 1945 года Красная армия займет Быдгощ и Познань, а также возьмет Бреслау [Вроцлав], Пардубице, Йиглаву и Вену, это значит, что она продвинется вперед на 120–350 километров от своих исходных позиций в октябре. После этого должен был начаться второй этап, целью и конечным результатом которого была капитуляция гитлеровской Германии.

Однако в конце октября 1944 года мы вынуждены были признать, что этот план был невыполним. Наступление на главном направлении не состоялось».

Но это совсем не означало, что советское командование отказалось от плана операции по взятию Берлина. Главной темой всех совещаний в Москве оставалось взятие Красной армией Берлина. Сталин и его генералы считали, как утверждает Штеменко, что в Венгрии им противостояли 55 немецких дивизий, и они просто не понимали, почему Гитлер так укреплял фронт в Венгрии. В действительности Красной армии противостояли в Венгрии не более 33 немецких и венгерских дивизий (35 дивизий, в т. ч. 9 танковых и моторизованных, и 3 бригады, к концу декабря 51 дивизия и 2 бригады. – *Ред.*). И немецкая группа армий («Центр», с 26 января 1945 г. «Север») в Восточной Пруссии (по утверждению Штеменко, 26 дивизий, среди них 7 танковых) заставляла Ставку думать и над этой проблемой. В ходе напряженной работы, продолжавшейся день и ночь, был разработан план наступления в глубь немецкой территории и взятия Берлина. Штеменко пишет:

«При подготовке наступления на Берлин в 1945 году Генеральный штаб не проводил специальные совещания с командующими отдельных фронтов, как это имело место до сих пор при проведении всех крупных операций. Напротив, отдельные командующие вызывались для консультаций в Генеральный штаб, и после того, как с ними были обсуждены все детали плана, он был представлен на утверждение Верховному главнокомандованию. <...>

Через несколько дней после празднования 7 ноября Верховный главнокомандующий И.В. Сталин назначил своего первого заместителя, маршала Г.К. Жукова, командующим войсками, которые должны были взять столицу Германии. 16 ноября 1944 года Жуков был назначен командующим 1-м Белорусским фронтом. Маршал К.К. Рокоссовский принял командование 2-м Белорусским фронтом. <...> Сталин лично уведомил об этом обоих маршалов по телефону.

Координацию операций всех четырех фронтов (1-го Украинского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских) Верховный главнокомандующий оставил за собой. Если бы не потребовалось вносить никаких изменений, то Берлинская операция должна была бы начаться на всех фронтах 20 января 1945 года».

Убежденность немцев в том, что на Востоке у них существовал более или менее стабильный фронт, имела под собой зимой 1944/45 года еще вполне обоснованное основание. После кровопролитных летних и осенних сражений 1944 года Восточный фронт с большим трудом стабилизировался на рубеже, который на севере начинался у залива Куришес-Хафф (ныне Куршский залив. – *Ред.*). Фронт проходил вдоль границы Восточной Пруссии, пересекал пограничную зону Восточной Пруссии восточнее Голдапа и далее в юго-западном направлении вдоль рек Бобр (Бебжа) и Нарев до района крепости Модлин. В своем дальнейшем прохождении линия фронта примыкала к Висле и огибала Варшаву. Правда, в районе городов Магнушев и Пулавы у русских имелись довольно большие плацдармы на западном берегу Вислы. Дальше фронт снова проходит по западному берегу Вислы. Самый большой русский плацдарм на Висле, представлявший наибольшую опасность, находился в районе города Баранув (Сандомирский плацдарм. – *Ред.*). Затем линия фронта пересекала Вислу и шла прямо на юг до города

Кошице в Венгрии (в оккупированной в 1938 г. венграми части Словакии. – *Ред.*), где она примыкала к линии фронта немецкой группы армий «Юг». Перед северной частью линии Восточного фронта находились большой отрезанный балтийский плацдарм группы армий «Север» (с 26 января 1945 г. «Курляндия») и небольшой плацдарм в районе города Мемель (Клайпеда). Какие же силы имелись в распоряжении германского руководства для обороны этого фронта? Немецкий журналист и историк Юрген Торвальд, который в своих исследованиях опирался на информацию, полученную от авторитетных в прошлом немецких офицеров, пишет:

«Огромную линию фронта занимали две группы немецких армий, каждая из которых имела за плечами груз летних сражений в России. На севере стояла группа армий «Центр», которую после поражения пришлось почти полностью формировать заново, насколько это было вообще возможно. Группой армий «Центр» командовал генерал-полковник Рейнгардт, внешне напоминавший настоящего профессора и обладавший большим военным опытом. На северном участке своего фронта он располагал ослабленной 3-й танковой армией под командованием генерал-полковника Рауса, седовласого, но при всей своей дородности довольно подвижного австрийца. Его армия уже давно не заслуживала названия танковой. К ней присоединилась 4-я армия генерала Госбаха, которая едва успела оправиться после тяжелых оборонительных боев в октябре. Она снова занимала опасно выступающий вперед участок на фронте группы армий Рейнгардта. Юго-западнее, вдоль реки Нарев, к ней примыкала слабая 2-я армия генерал-полковника Вайса, которая располагала почти только одними малоподвижными пехотными дивизиями с недостаточным количеством артиллерии.

От крепости Модлин до Кошице оборонительные позиции занимала группа армий «А» [с 26 января 1945 года группа армий «Центр»] под командованием генерал-полковника Гарпе, сделавшего карьеру в оборонительных боях на Восточном фронте флегматичного вестфальца младшего поколения, которого, однако, хорошо дополнял его начальник штаба, юный, инициативный генерал фон Ксиландер. Гарпе подчинялась 9-я армия, которая с немногими недостаточно оснащенными дивизиями занимала позиции севернее и южнее Варшавы, во главе этой армии был генерал танковых войск фон Лютвицу. Южнее к 9-й армии примыкала 4-я танковая армия генерала танковых войск Грезера. Их фронт охватывал, прежде всего, большой русский плацдарм под городом Баранув-Сандомерски. Далее следовала 17-я армия генерала Шульца, располагавшаяся между Вислой и Бескидами, и, наконец, 1-я танковая армия генерал-полковника Хейнрици – от Ясло до района Кошице.

Создание этого фронта стало возможным только потому, что русские летние наступательные операции миновали свою кульминационную точку и советские армии сами нуждались в дооснащении живой силой и военной техникой. Но, уже начиная с ноября, перед слабым немецким фронтом было зафиксировано новое стратегическое сосредоточение и развертывание четырех советских групп армий [фронтов]: на севере перед Восточной Пруссией сосредотачивались группы армий Черняховского и Рокоссовского [3-й и 2-й Белорусские фронты], а на Висле от крепости Модлин до района южнее Баранува развертывались группы армий Жукова и Конева [1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты]. Основное внимание при развертывании обеих южных русских групп армий уделялось плацдармам на Висле в районе городов Пулавы и Баранув (Сандомир. – *Ред.*). Предполагалось, что с плацдарма под городом Баранув будет нанесен удар в направлении на Силезию и Саксонию. С плацдарма под городом Пулавы просматривалось направление наступления через приток Одера реку Варта прямо на Берлин».

Однако Гитлер не хотел замечать эту опасность. С сентября 1944 года его в большей степени интересовал Западный фронт. Почти все резервы рейха – людские ресурсы и военная техника – поспешно собирались этой осенью для крупного наступления и развертывались против британцев и американцев. (Для наступления в Арденнах было выделено 250 тыс. чел., 900 танков и штурмовых орудий, около 800 самолетов, 2617 орудий. – *Ред.*) «Наступление в Арденнах», которое войдет под этим названием в военную историю, должно было начаться 16

ноября 1944 года. Однако непредвиденные трудности и другие проблемы вынуждали немецкое руководство передвинуть день начала наступления. И только 16 декабря три немецкие армии начали свое наступление на бельгийской границе и в северной части Люксембурга. В то время как на северном участке, где, собственно говоря, и должен был наноситься главный удар, 6-я танковая армия СС продвинулась только своим южным флангом до бельгийского городка Мальмеди, а на юге 7-я армия смогла наступать вдоль реки Сюр только своим северным флангом, 5-й танковой армии удалось осуществить прорыв в центре: 23 декабря она продвинулась в Арденнах через реку Урт и город Рошфор и остановилась всего лишь в семи километрах от города Динан на реке Мёз (Маас). Однако здесь немецкое наступление застопорилось: 27 декабря немецкие соединения были вынуждены окончательно перейти к обороне. Начальник Генерального штаба сухопутных войск, отвечавший за Восточный фронт, генерал-полковник Гейнц Гудериан пишет:

«С замиранием сердца я следил из своей штаб-квартиры, перенесенной в лагерь Майбах под Цоссеном, за ходом наступления на Западе. В интересах моего народа я пожелал бы ему полного успеха. Но после того, как 23 декабря стало ясно, что уже не удастся добиться решающего успеха, я решил отправиться в ставку фюрера, чтобы потребовать прекращения напрасного расходования сил и средств и немедленного направления всех свободных сил на Восточный фронт. Тем временем все чаще стали поступать сообщения о предстоящем наступлении русских. Мы имели полное представление о районах стратегического сосредоточения и развертывания основных сил противника. <...> Мы считали, что наступление начнется 12 января 1945 года. Превосходство русских составляло в пехоте 11:1, в танках 7:1, в орудиях 20:1. Если оценивать силы противника в целом, то можно говорить, не боясь обвинения в преувеличении, о как минимум пятнадцатикратном превосходстве его сухопутных сил и двадцатикратном превосходстве в воздухе». (Советские войска действительно превосходили немцев, но не в таком соотношении. Немецкая группа армий «А» на Висле имела 560 тыс. чел., 5000 орудий и минометов, 1220 танков и штурмовых орудий, 630 боевых самолетов против 2 млн 204 тыс. чел., 33,5 тыс. орудий и минометов, свыше 7 тыс. танков и САУ, 5 тыс. боевых самолетов Красной армии. В Восточной Пруссии немцы имели 780 тыс. солдат и офицеров (в т. ч. 200 тыс. фольксштурм), 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 боевых самолетов против 1 млн 669 тыс. чел., 25 426 орудий и минометов (без зенитной и реактивной артиллерии), 3859 танков и САУ, 3097 боевых самолетов Красной армии. – *Ред.*)

Гудериан уже предвидит надвигающуюся катастрофу на Восточном фронте. Он знает, что война проиграна и что надо искать возможности заключения мира:

«Но эти возможности могли представиться только в том случае, если бы удалось как-нибудь и где-нибудь остановить предстоящее русское наступление. Чтобы это стало возможным, требовалась немедленная переброска войск с Запада на Восток и создание в районе городов Лицманштадт [Лодзь] – Хоензальц [Иновроцлав] сильной резервной армии, чтобы выступить с ней навстречу русским наступающим армиям и навязать им маневренные бои. В этом виде боя германское командование и германские войска все еще имели превосходство над противником, несмотря на продолжительность войны и на сильное истощение наших сил.

Исходя из этих соображений, я намеревался выдержать битву на Востоке, но прежде мне было необходимо добиться от Гитлера высвобождения необходимых для этого сил. 24 декабря я поехал в Гиссен, а оттуда в ставку фюрера для доклада.

Во время доклада о сложившейся обстановке на фронте кроме Гитлера присутствовали, как обычно, фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Йодль, генерал Бургдорф и ряд младших офицеров. В своем докладе я охарактеризовал группировки вражеских армий и соотношение сил так, как это было описано выше. Работа моего отдела «Иностранные армии Востока» была образцовой и абсолютно надежной. Я уже достаточно долго знал начальника отдела, генерала Гелена, чтобы судить о нем самом, о его сотрудниках, методах работы его отдела и о

результатах этой работы. Прежние прогнозы Гелена всегда оказывались верными. Это исторический факт. Гитлер смотрел на вещи иначе. Он объявил сведения, собранные отделом «Иностранные армии Востока», блефом. Он утверждал, что русские стрелковые соединения насчитывают самое большее 7 тысяч человек каждое, а у танковых частей нет танков. «Это самый большой обман со времен Чингисхана, – кричал он, – кто выкопал эту чушь?» После покушения Гитлер с большим размахом неоднократно пытался сам дурачить противника. Он приказывал формировать артиллерийские корпуса, которые в действительности по численности соответствовали бригадам. Формировались танковые бригады, состоявшие из двух батальонов, то есть имевшие численность танкового полка. Противотанковые бригады состояли всего лишь из одного батальона. По моему мнению, такими действиями он только внес путаницу в организацию собственных сухопутных войск, не сумев при этом ввести противника в заблуждение относительно нашей истинной слабости. Его склад ума, становившийся все более странным, видимо, заставил его предположить, что и противник всего лишь пытается ввести нас в заблуждение, возводя потемкинские деревни, и что в действительности русские вообще пока не собираются переходить в серьезное наступление.

Доказательство для этого моего утверждения я получил во время ужина, на котором я сидел рядом с Гиммлером, командующим Резервной армией и начальником вооружений сухопутных войск, одновременно группой армий «Верхний Рейн» (с 29 января 1945 г. – группа армий «Висла». – *Ред.*) имперским министром внутренних дел, шефом германской полиции и рейхсфюрером СС. В то время Гиммлер очень хорошо осознавал свою значимость. Он считал, что может так же хорошо судить о военных делах, как и Гитлер, и, конечно, намного лучше, чем генералы. «Видите ли, дорогой генерал-полковник, я не верю, что русские вообще начнут наступление. Это все просто огромное надувательство. Данные вашего отдела «Иностранные армии Востока» чрезмерно преувеличены. Они у вас там слишком уж беспокоятся. Я твердо убежден в том, что на Востоке не произойдет ничего страшного». О такую наивность разбивались любые доводы».

Глубокое убеждение или самообман? Лейтенант Вильфред фон Овен, с 1943 года личный референт по прессе Йозефа Геббельса, министра пропаганды и имперского уполномоченного по тотальной войне, так описывает настроение, царившее в доме Геббельса во время встречи новогодним вечером 31 декабря 1944 года:

«Министр провел в кругу своей семьи и нескольких близких друзей прекрасный новогодний вечер, не омраченный никакими роковыми известиями. Он шагнул из старого года в новый, по-видимому, последний год этой войны, в отличном расположении духа, полный надежд и радостных ожиданий. <...>

После ужина, простоту которого (подавали картофельный суп) фрау Геббельс объясняет внезапно появившимся приглашения гостей, мы переходим в ее очень уютный салон, где выпиваем по чашечке кофе. Рудель [полковник люфтваффе, единственный кавалер полного банта Рыцарского креста: с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами] отказывается как от ликера, так и от сигарет. Он известен своим аскетизмом, превосходящим даже самоограничение чемпиона мира по боксу во время упорных тренировок. В противном случае Рудель был бы просто чисто физически не способен добиться таких боевых успехов.

Тотчас завязывается чрезвычайно оживленная беседа. Опираясь на свой боевой опыт, Рудель подтверждает мнение, что русская пехота плохая и, напротив, что танки и самолеты не только имеются в большом количестве и с технической точки зрения вполне хороши, но и что их экипажи оснащены самыми лучшими кадрами. (Качественный состав советской пехоты в конце войны действительно сильно уступал таковому начала войны, лучшие призывные контингенты были в основном выбиты. Однако совсем молодые (17–18 лет) и совсем немолодые (45–50) советские пехотинцы сражались героически и умело, перемалывая живую силу и тех-

нику немцев, которые докатились до призыва в фольксштурм 15—16-летних и 65-летних. — *Ред.)*

По его мнению, прорывы русских происходят не потому, что у нас не хватает оружия, а потому, что у нас не хватает людей. Часто наши оборонительные рубежи занимают до смешного плохо укомплектованные части. Но чем дальше в тыл, тем больше встречаешь солдат, которые приписаны к разным штабам, к службам тыла и снабжения. У русских же все было как раз наоборот.

Министр слушает рассуждения Руделя с горящими глазами. Какие превосходные аргументы для его работы! Какие прекрасные доказательства, опровергающие тезис Шпеера (имперского министра вооружений и военной промышленности): «Нужны не солдаты, а оружие!»

«Не хватает людей! — восклицает он между тем. — Поскольку у нас недостаточно солдат, мы вынуждены снова и снова отступать. А при отступлении мы теряем больше оружия, чем требуется для формирования новых армий. <...> Какая нам польза от тысяч орудий, если из-за нехватки солдат, которые их защищают, мы вынуждены снова и снова взрывать их или позволять, чтобы они доставались врагу в целостности и сохранности?»

В этот вечер Геббельс долго говорил о «тотальной войне», о «многих серьезных ошибках», которые до сих пор совершило имперское правительство, но также и о «непоследовательной позиции противника». Зашел разговор и о пропагандистской кампании антигитлеровской коалиции:

«Насколько проще было бы противнику, насколько меньше было бы пролито крови, если бы он с первого дня войны придерживался тезиса: Мы сражаемся не против германского народа, а против его подлого фюрера. Или: Мы хотим освободить германский народ от нацистской партии. У меня как у германского министра пропаганды было бы более трудное положение и мне было бы труднее противостоять этим последовательно защищаемым лозунгам. <...>

Даже в военной области у западных держав нет четкой линии. Почему снова и снова Сталин добивается таких удивительных успехов? Потому что он совершенно точно знает, чего хочет, и упрямо и последовательно проводит эту линию. Если бы после прорыва под Авраншем [25–31 июля 1944 г. в Нормандии] западные державы выбрали одно-единственное направление главного удара, они уже давно были бы в Рурской области или даже в Берлине, и теперь им не нужно было бы беспокоиться о том, что русские опередят их. <...>

Стойкость и выдержку нужно проявлять не только тогда, когда загоняешь противника в угол, но и тогда, когда сам добиваешься успеха. Стойкость и выдержка — это главные качества нации, ведущей войну».

Этимися словами министр закончил свои рассуждения.

В качестве новогоднего блюда был подан гусь. Лишь с большим трудом мне удалось отрезать крошечные кусочки от гусяной ножки, причем приходилось действовать с величайшей осторожностью, чтобы моя гусяная ножка не скакнула на колени моей соседки по столу.

Время от времени я поглядываю по сторонам и с удовлетворением отмечаю, что всеобщее молчание можно объяснить только тем, что все сидящие за столом с одинаковым ожесточением пытаются разрезать жаркое на более мелкие кусочки, чтобы сразу отправить их в рот. Некоторое время мы в глубоком молчании кромсаем бедного гуся. Гости не говорят ничего, чтобы не обидеть хозяйку, хозяйка не говорит ничего, чтобы не оскорбить гауляйтера Ханке, подарившего ей гуся, а Ханке, по-видимому, надеется в душе, что только ему достался такой жесткий кусок мяса.

Наконец хозяин дома нарушает молчание, обращаясь к своей жене со словами: «Скажи, дорогая, твоя гусяная ножка такая же невероятно жесткая, как и моя?»

Всеобщий вздох облегчения. Тема для разговора найдена. Оживленная дискуссия о степени жесткости данной гусятины. Отвечая на многочисленные колкие намеки, Ханке отмечает,

что это говорит о хорошем положении в Германии с продуктами, раз гуси доживают у нас до такого почтенного возраста.

Позднее мы собираемся в зале перед пылающим камином. <...> Когда старый год приближается к концу, радиоприемник включается на полную громкость. Эмиль [камердинер Геббельса] открыл несколько бутылок шампанского, чтобы наполнить бокалы за несколько минут до двенадцати. Из громкоговорителя раздается прусское «Признание» Клаузевица, которое зачитывает известный актер Генрих Георге. Когда стрелки часов приближаются к полуночи, вместе с последними строками «Признания» звучат нежные звуки скрипок, исполняющих песнь о Германии. Двенадцать ударов возвещают об окончании старого года, который доставил нам столько трудностей, но в конце концов принес и новый проблеск надежды. С последним боем часов звучит гул рейнских колоколов, который переходит в мощное звучание песни «О, Германия, свято чтимая».

Мы встаем. Фрау Геббельс плачет. Всех нас охватывает необычайное волнение. Мы поднимаем наши бокалы, чокаемся и негромко желаем друг другу счастья. Звучит Баденвейлерский марш. Выступает с речью фюрер. На часах пять минут первого».

В то время как Гитлер выступал с речью, в Москве тоже устраивали небольшой праздник по случаю наступления Нового года. Генерал Штеменко так пишет об этом:

«Канун нового, 1944 года, за несколько часов до полуночи А.И. Антонов сказал мне, что звонил Поскребышев и передал, что мы все должны явиться к «Хозяину» в 23.30 без карт и документов.

На мой вопрос, что бы это значило, Алексей Иннокентьевич ответил шутливо: «Может быть, он вызывает нас, чтобы встретить Новый год. Это было бы неплохо...»

Через несколько минут позвонил Я.Н. Федоренко, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии (и заместитель наркома обороны СССР. – *Ред.*). Он спросил нас, не знаем ли мы, почему нас всех вызывают к «Хозяину». Я ответил ему, что сам ломаю голову над этим.

В 23.00 я, как всегда, выехал вместе с Антоновым в его машине. Наши совместные поездки к Верховному главнокомандующему всегда были очень важными и ответственными. Нас никогда не приглашали на праздники. Во время войны мы даже никогда не думали об этом.

На «даче» Сталина мы встретили еще несколько генералов: А.А. Новикова, Н.Н. Воронова, Я.Н. Федоренко, А.В. Хрулева. Потом подъехал и С.М. Буденный. Нам стало ясно, что нас пригласили на празднование Нового года. Об этом же свидетельствовал и накрытый стол. Незадолго до полуночи появились также и все члены Политбюро и некоторые из народных комиссаров, среди них Б.Л. Ванников и В.А. Малышев. Всего здесь собралось 25 мужчин и одна-единственная женщина, а именно супруга присутствовавшего здесь генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Сталин занял свое обычное место во главе стола. С правой стороны, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было. Каждый брал себе на тарелку то, что ему хотелось. С боем курантов Сталин произнес краткое слово с пожеланием тотального поражения врагу в новом году. Он поднял свой бокал за советские вооруженные силы и поздравил нас всех энергичным «С Новым годом, товарищи!».

Мы все встали, чокнулись друг с другом и пожелали победоносного окончания войны в наступающем 1945 году. Хозяин дома не соблюдал этикета и строгого ритуала. Он поговорил с каждым из присутствующих, попыхивая при этом своей неизменной трубкой. И гости тоже вели себя свободно и непринужденно. Вскоре они разбились на отдельные группы, из которых доносился веселый смех и громкие голоса.

С.М. Буденный взял свой баян и стал играть. Играл он виртуозно. Сначала исполнял главным образом русские народные песни, но потом также вальсы и польки. Он был полностью

погружен в свою музыку. Сначала к нему подошел К.Е. Ворошилов, а потом и остальные гости. Они образовали вокруг него тесный круг.

Когда Буденный перестал играть, Сталин подошел к патефону и поставил пластинку. Гости с удовольствием потанцевали бы, но так как среди нас была всего лишь одна женщина, из этого ничего не вышло. Когда хозяин дома поставил пластинку с «Барыней», Буденный вскочил и, переступая мелкими шажками, пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи военных песен в исполнении ансамбля Красной армии под управлением А.В. Александрова. Мы все хорошо знали эти песни и начали дружно подпевать.

Около трех часов ночи мы вернулись домой из Кунцева. Первый раз за время войны мы праздновали начало нового года. По всему чувствовался недалекий конец войны. <...>

А.И. Антонов вдруг предложил не возвращаться, как всегда, на службу, а поехать ночевать домой. Новый год начинался как-то совсем по-мирному. И праздничный прием у Верховного главнокомандующего, и ночевка дома – все это было для меня чем-то совершенно необычным, вопреки режиму, установившемуся в Генеральном штабе во время войны.

Мы ехали по темным, пустынным улицам, мимо домов с плотно зашторенными окнами. Облик Москвы все еще был военным. <...> Тем не менее в эту ночь все мечтали о том, чтобы война поскорее закончилась».

Однако сначала Красную армию еще ожидали тяжелые сражения. Чтобы пробиться с боями к Берлину, солдатам и офицерам придется понести огромные потери. Маршал Иван Степанович Конев, который командовал 1-м Украинским фронтом и который 20 января 1945 года должен был начать общее наступление во время Висло-Одерской операции Красной армии, отдавал себе в этом отчет. Вооруженная мощь его фронта значительно выросла. В него входили восемь общевойсковых армий и две полностью укомплектованные танковые армии (а также 3 отдельных танковых корпуса, 1 механизированный корпус и 1 кавалерийский корпус; с воздуха фронт поддерживала 2-я воздушная армия. – *Ред.*). Конев вспоминает:

«Приближалось время наступления. Наша задача заключалась в том, чтобы продвигаться вперед от Вислы до Одера, на глубину примерно пятьсот километров. Противник своевременно укрепил свои позиции. Он располагал семью оборонительными рубежами. <...> Три из них были заняты войсками. Позади них лежал Берлин – таким образом, дальнейшее отступление было исключено. Если германские войска отходили назад, то это означало для них смерть. Мы хорошо понимали это и соответствующим образом подготовили наше наступление.

И вот наступило 9 января. До начала операции оставалось еще одиннадцать дней. Все самые важные меры были приняты, но еще оставалось достаточно работы.

Мне позвонил А.И. Антонов, начальник Генерального штаба, и сообщил, что сражающиеся на Западном фронте союзники попали в Арденнах в бедственное положение и обратились к нам с просьбой начать наше наступление раньше, чем было запланировано. Ставка, сказал далее Антонов, обсудила эту просьбу и решила перенести начало наступления 1-го Украинского фронта с 20 января на 12 января 1945 года. Антонов говорил от имени Сталина. <...>

Я ответил Алексею Иннокентьевичу, что наш фронт готов начать наступление 12 января».

Маршал Конев пытался максимально эффективно использовать эти три дня, оставшиеся в его распоряжении до начала наступления. Особое внимание он уделил артиллерии, не забывая придавать большое значение и широко задуманным отвлекающим маневрам и маскировке. Наступление его фронта должно было оказаться для немцев совершенно неожиданным. 12 января 1945 года началось наступление 1-го Украинского фронта.

«Ровно в 5 часов утра, после короткой, но интенсивной артиллерийской подготовки (15-минутного огневого налета. – *Ред.*) штурмовые передовые батальоны внезапно атаковали вра-

жеские позиции. Они очень быстро завладели первой (а кое-где и второй) линией траншей обороняющихся. Но уже из первых донесений стало ясно, что противник не оставил другие свои позиции: он знал, что мы придем, и подготовился к ожесточенному сопротивлению».

В своих мемуарах Конев дает точную картину событий, происходящих 12 января на плацдарме под Сандомиром и Баранувом, откуда после многочасовых тяжелых боев он прорвал позиции германской 4-й танковой армии и начал развивать свое наступление на запад. Маршал с удовлетворением отмечает умелые действия своих солдат: «Уже в первые часы прорыва мы взяли в плен несколько офицеров вермахта. Из их показаний следовало, что солдаты и офицеры германской армии теряли самообладание. Они даже самовольно покидали свои позиции. Я должен честно признать, что такое поведение было нехарактерным для немцев. За годы войны я на собственном опыте убедился в том, что германский солдат не бросает свою позицию до тех пор, пока не получит приказ отходить. Но 12 января на них обрушился такой ураганный огонь, что оставшиеся в живых совершенно потеряли голову».

В журнале боевых действий Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии записано следующее донесение о событиях в группе армий «А» от 13 января: «После артиллерийской подготовки с 3 до 4 часов ночи и с 7 до 8 часов утра 12 января в 8.00 началось давно ожидаемое наступление противника крупными силами с плацдарма под городом Баранув, а именно двумя штурмовыми группами, которые были поддержаны танками (подбито 78 танков). До этого момента обнаружено боевое использование: четырнадцати стрелковых дивизий, двух танковых корпусов, некоторых частей и соединений 4-й танковой армии. Пока не обнаружены остальные соединения этой армии, а также 3-я гвардейская танковая армия. Противнику удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до пятнадцати километров. Многочисленные танковые части преодолели оборонительный рубеж «Ирене». <...> На плацдарме севернее Пулав также заметна подготовка противника к наступлению».

Здесь готовился перейти в наступление 1-й Белорусский фронт маршала Г.К. Жукова, армии которого должны были поддержать начавшееся крупномасштабное советское наступление. Генерал Чуйков (Маршал СССР с 1955 г. – *Ред.*), командующий сражавшейся на этом участке фронта 8-й гвардейской армией (до апреля 1943 г. 62-я армия, прославившаяся в ходе Сталинградской битвы под командованием того же Чуйкова. – *Ред.*), пишет:

«В ночь на 14 января все соединения 1-го Белорусского фронта находились в полной готовности. С двух плацдармов – Магнушевского и Пулавского – более 10 тысяч орудийных стволов были наведены на укрепления противника. Средняя плотность в 200–250 орудий и минометов на один километр фронта гарантировала успех прорыва. Тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок сосредоточились на позициях, готовые завести моторы и ринуться в бой. Тысячи самолетов стояли на аэродромах с подвешенными бомбами, готовые к взлету. Но из громкоговорителей по-прежнему раздавалась танцевальная музыка и песни. Для противника у нас ничего не изменилось.

Мы ждали хорошей погоды, чтобы наилучшим образом использовать накопленные силы. Наши саперы вместе с разведгруппами снимали минные заграждения перед самыми окопами противника, предварительно сделав проходы перед своими траншеями.

После полуночи ясное звездное небо начало затягиваться облаками, поднялся туман. На рассвете туман стал еще гуще и, в конце концов, превратился в непроглядную завесу. В 7 часов утра по московскому времени полевые кухни начали раздачу горячей пищи. Настроение людей было превосходное, но туман настолько сгустился, что на расстоянии 10 метров нельзя было ничего различить.

В 8 часов утра я связался по радио с командующими соседних армий (69-й, 5-й ударной и 61-й) и, заручившись согласием действовать, несмотря на туман, точно по плану, доложил командующему фронтом о готовности к наступлению. Командующий фронтом Т.К. Жуков дал добро.

В 8.25 артиллеристам дали команду: «Зарядить!», а в 8.29 – «Натянуть шнуры!».

В 8.30 отдал команду: «Огонь!» командующий артиллерией армии генерал Н.М. Пожарский.

И с этого момента жизнь войск потекла по другому руслу. Если до этого каждый думал о подготовке к бою, как любой человек, собирающийся в далекий путь, проверял, не забыл ли чего-нибудь, и мог возвратиться, еще раз взвесить и пополнить запасы, то теперь, после команды «Огонь!», когда земля задрожала от залпов тысяч орудий, уже нельзя было возвращаться и даже оглядываться назад. Мысли и взоры всех были устремлены только вперед.

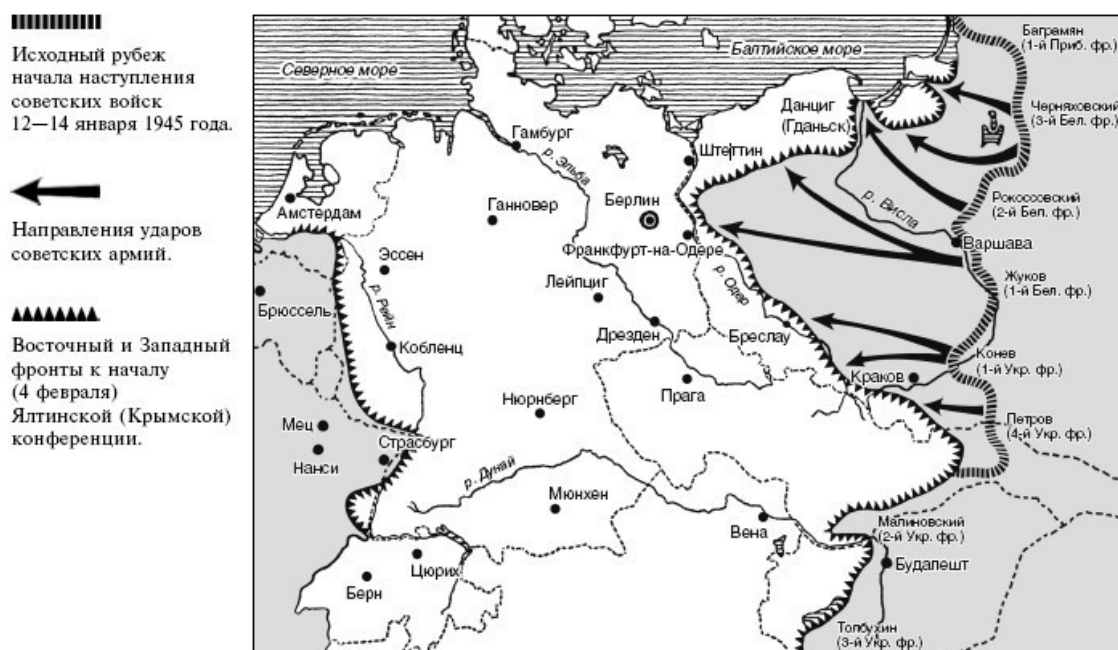
Особенно тяжелы и кровопролитны первые шаги наступления. Чтобы добраться до первой траншеи противника, затем взломать ее оборонительные позиции, необходимо большое напряжение сил. От этого зависит выход на оперативный простор. Взять сразу высокий темп продвижения, постоянно наращивать силу удара, как бы набирая разгон, – вот главное, что волнует душу генерала во время наступления.

История знает много случаев, когда подготовка к наступлению длилась неделями и даже месяцами, но в первый же день оно по разным причинам срывалось, и войска оставались на прежнем месте.

В 8.55 разведывательный эшелон армии дружно поднялся и пошел в атаку. Пехота и танки вели огонь с ходу. Спустя несколько минут была захвачена первая, затем вторая траншеи. К рассвету вся первая позиция противника была уже в наших руках».

В тот же самый день переходит в наступление и 2-й Белорусский фронт. (А 3-й Белорусский фронт начал наступление на день раньше, 13 января.) Семь общевойсковых армий (50, 49, 3, 48-я, 2-я ударная, 65, 70-я), одна танковая армия (5-я гвардейская) и несколько танковых, механизированных и кавалерийских корпусов вступают в бой с плацдармов на реке Нарев – с обеих сторон от города Ружан и с рубежа реки Бобр (Бебжа) – и продвигаются в направлении на северо-запад к городу Эльбинг и заливу Фришес-Хафф. Южная граница Восточной Пруссии находится в опасности: всей группе германских армий «Центр» (с 26 января «Север») грозит окружение. Через три-четыре дня разваливается почти весь германский фронт. Красная армия наступает по всей Польше: 17 января она занимает город Ченстохова, 19 января берет Краков и Лодзь, 20 января начинается сражение за верхнесилезский промышленный район, и в тот же день танковые соединения маршала Конева пересекают границу Нижней Силезии восточнее Бреслау. Гудериан пишет:

«20 января противник вступил на немецкую землю. Теперь речь шла о жизни и смерти нашей страны. Ранним утром я узнал, что русские достигли границы рейха восточнее города Хоензальц [Иновроцлав]. Моя жена покинула наше поместье Дайпенхофв Вартегау (Вартегау – название Западной Польши после ее оккупации Третьим рейхом; включала в себя территории округов Познани, Иновроцлава и Лодзи. – *Пер.*) за полчаса до первых разрывов русских снарядов. Она была вынуждена так долго выжидать, чтобы не подать местному населению знак к началу бегства. Ее назойливо опекали местные партийные бонзы. И вот было брошено все, что бомбы пощадили из всего нашего имущества в сентябре 1943 года. Мы стали изгнанниками, как и миллионы других немцев, и мы гордимся тем, что наша судьба была не лучше, чем у них».

Преисполнены гордости – хотя и по другой причине – те солдаты Красной армии, которые первыми ступили на немецкую землю. В мемуарах генерала Горбатова мы можем прочесть следующее: «Каждый командир мечтал о том, чтобы первым пересечь границу Германии. Эта честь выпала стрелковому полку под командованием подполковника Серегина. Это произошло 20 января 1945 года. Военный совет армии [военные советы, эти коллективные органы руководства войсками, были образованы в оперативных объединениях Красной армии в 1941 году; в состав военных советов армий и фронтов входили крупные партийные функционеры, такие как Хрущев, Брежнев и Суслов, которые вместе с командующими фронтами и армий отвечали за исполнение приказов] поздравил солдат и офицеров с вступлением на территорию врага и обратился к ним с призывом: «Наше общее желание исполнилось. Теперь мы должны продвигаться вперед до самого сердца гитлеровской Германии и пронзить его нашим красноармейским штыком. Давайте же ускорим наше наступление!»

Именно это и происходило. Темпы русского наступления в январе 1945 года можно сравнить только с темпами наступления немцев в 1940 году во Франции. 23 января войска маршала Конева вышли к Одеру между городами Опфельн (совр. Ополе) и Олау (ныне Олава). Севернее от них войска 1-го Белорусского фронта маршала Жукова обошли город Познань и продолжали наступление в направлении укрепрайона Одер – Варта, угрожая в северном направлении Западной Померании. 23 января германские войска оставили Бромберг (Быдгощ). 27 января в кольцо окружения оказывается Познань. Войска маршала Рокоссовского вступают на территорию Восточной Пруссии и оттесняют немецкую 3-ю танковую армию за реки Дейме, Прегель и Алле. Передовые отряды танковых частей 2-го Белорусского фронта продвигаются вперед через Дейч-Эйлау до Мариенбурга и Эльбинга. Гитлер, занятый до середины января 1945 года продолжением своего наступления на Западе, понял уже после первых 24 часов крупномасштабного наступления русских, какая смертельная опасность грозит рейху на Востоке. Он покинул свою ставку на Западе и возвратился в Берлин. Там он принял начальника Генерального штаба сухопутных войск, генерал-полковника Гейнца Гудериана, который отвечал также и за Восточный фронт».

«Гитлер наконец решил перейти на Западном фронте к обороне и направить высвободившиеся в результате этого войска на Восток. Когда я вошел в приемную, мне тотчас сообщили эту, как казалось, чрезвычайно радостную, хотя и сильно запоздалую новость. Я разработал план по использованию резервов и хотел немедленно направить их на Одер, а если позволит время, то и переправить их через реку, чтобы ослабить мощь наступательного клина

русских ударами по его флангам. Когда я спросил Йодля, что приказал Гитлер, он сказал мне, что главные силы высвобождающихся войск, 6-я танковая армия СС, будут направлены в Венгрию. Я вышел из себя и недвусмысленно выразил Йодлю свое крайнее возмущение, в ответ он всего лишь пожал плечами. <...> Во время последующего доклада у Гитлера я изложил свое предложение, идущее вразрез с уже принятым решением. Гитлер отклонил его и обосновал свое решение контратаковать в Венгрии, чтобы отбросить русских снова за Дунай и снять осаду с Будапешта. С этого момента начались бесконечные дебаты по этому неудачному решению. После того как я опроверг военные причины, приведенные Гитлером, тот стал утверждать, что венгерские нефтяные источники и имеющиеся там нефтеперегонные заводы после уничтожения в ходе бомбардировок немецких (по производству синтетического горючего. – *Ред.*) гидрогенизационных заводов стали жизненно необходимы и приобрели решающее значение для продолжения войны: «Если вы не получите горючее, ваши танки не смогут сдвинуться с места, а пилоты не смогут взлететь. Вы должны согласиться с этим. Но мои генералы равным счетом ничего не понимают в военной экономике!»

Таким образом, 6-я танковая армия СС направлялась в Венгрию, в то время как Гудериан и другие ответственные командующие на Востоке пытались остановить русское наступление, по крайней мере, на Одере. Опасность того, что войска Жукова могут форсировать Одер и дойти до Берлина, вызвала панику среди жителей столицы рейха. 20 января Вильфред фон Овен записывает:

«Советское наступление на востоке начинает вызывать панические явления. Сегодня ночью русские танки, наступающие с территории Вартегау, ворвались в городок Намслау (ныне Намыслув) в Средней Силезии, лежащий в 70 километрах от Бреслау (ныне Вроцлав. – *Ред.*), который до сих пор находился в глубоком тылу. Сломая голову население бежит на запад. Вчера вечером был введен всеобщий запрет на передвижение, чтобы наконец-то можно было организовать планомерную эвакуацию, ставшую столь необходимой.

Глава берлинского штаба СА обергруппенфюрер СА Гренц получил задание поскорее собрать в Берлине тысячу офицеров, чтобы задерживать на границе рейха беспорядочно отступающие остатки частей, переформировывать их и с их помощью устанавливать заслоны на дорогах».

В эти дни в Берлин прибывают и первые поезда с беженцами. Матиас Менцель рассказывает:

«Вокзал Фридрихштрассе стал товарно-сортировочным пунктом немецкой судьбы. Обугленные рамы свисают с петель. Мерзкий восточный ветер свистит в ангаре, от которого остался только скелет. Каждый вновь прибывающий поезд выбрасывает на перроны бесформенную нищету. Внизу, в вестибюле, люди сидят друг у друга на головах: семьи из Восточной Пруссии и Силезии, из квартир людей с высшим образованием и из крестьянских изб, из рабочих поселков и из кварталов ремесленников. Общая для всех безысходность стерла с их лиц все различия. За котелками с горячим супом выстраиваются бесконечные очереди. Они ждут. Часами, часто днями напролет, ждут поездов, которые не отправляются, ждут станции назначения, которые потеряли всякий смысл. Однако это ожидание далеко не безопасно. Снова и снова прерывистый вой сирены воздушной тревоги гонит их со всеми узлами и мешками в бомбоубежища и подвалы. <...>

На вокзале я встретил профессора литературы из Бреслау. Он утверждает, что русские вышли к Одеру под Штейнау (ныне Сыцинава. – *Ред.*) и форсировали его».

Журналистка Маргарет Бовери тоже записала свои впечатления о событиях этих дней:

«Во время одной из моих поездок в Тойпиц во второй половине января я должна была сделать пересадку в Кёниге-Вустерхаузене. На соседнем пути стояли вагоны состава с беженцами. На страшном морозе, который держался тогда уже несколько дней, многие люди, особенно пожилые, замерзли до смерти, несмотря на ужасную тесноту в закрытых вагонах, предна-

значенных для перевозки скота. Как мне было видно с перрона, трупы выгружались из вагонов и укладывались рядами, словно дрова, на железнодорожную насыпь.

Знакомясь с оперативными сводками главного командования сухопутных войск, я с огромным вниманием следила за тем, что происходило вдоль Одера между Кюстрином (ныне Костмин. – *Ред.*) и Котбусом... На основании перечня городов, которые согласно сводке вермахта были «сданы» или за которые еще «шел бой», было нетрудно определить, как далеко уже смогли продвинуться русские».

Быстрота и стремительность русского наступления вынудила уже 19 января 1945 года перенести штаб оперативного руководства германскими вооруженными силами за Одер в Цоссен, в лагерь «Майбах-1». Были предприняты такие организационные меры, как переименование групп армий на Восточном фронте. Так бывшая группа армий «А» стала группой армий «Центр», группа армий «Центр» была переименована в группу армий «Север», а группа армий «Север» превратилась в группу армий «Курляндия». 24 января Гудериан снова оказывается на приеме у Гитлера.

«После окружения Познани русские продвинулись вперед мимо крепости к укрепрайону Одер – Варта (Восточному валу) в излучине рек Одер и Варта, который должен был прикрывать Зененский оборонительный рубеж. Но эта заботливо возведенная в мирное время оборонительная линия была лишена значительной части своего вооружения в пользу Атлантического вала и к этому моменту представляла собой всего лишь скелет оборонительного рубежа. На участке Шнайдемюль (Пила) – Бромберг (Быдгощ) русские сосредотачивали крупные силы с явным намерением наступать на север западнее Вислы, чтобы ударом с тыла смять наши оборонительные позиции, расположенные на западном берегу Вислы.

Чтобы отразить эту угрозу, я предложил Гитлеру создать новую группу армий в районе между бывшей группой армий «А», которая теперь называлась «Центр», и бывшей группой армий «Центр», которая теперь называлась «Север». Эта новая группа армий должна была заново организовать оборону на этом участке фронта. Чтобы выбрать командующего и штаб для этого участка, который, видимо, был самым опасным на всем фронте, я связался с генерал-полковником Йодлем из штаба оперативного руководства вооруженными силами. Я предложил ему воспользоваться одним из двух штабов групп армий, задействованных на Балканах, а именно штабом фельдмаршала барона фон Вейхса. Я лично хорошо знал его. Я особенно высоко ценил его как солдата и человека с твердым характером. Он был не только умным, но честным и храбрым солдатом, который особенно хорошо подходил, чтобы исправить это тяжелое положение, если это вообще было возможно.

Йодль обещал поддержать меня при обсуждении сложившегося положения у Гитлера. Поэтому я считал, что могу быть уверен в успехе.

Когда 24 января я предложил Гитлеру свою кандидатуру командующего, тот ответил: «Фельдмаршал фон Вейхс производит на меня впечатление крайне уставшего человека. Я не думаю, что он справится с этим заданием». Я принялся энергично отстаивать свою кандидатуру, заметив при этом, что и Йодль придерживается того же мнения. Но я пережил большое разочарование, так как Йодль, к сожалению, критически отозвался о глубокой и искренней религиозности фельдмаршала, что позволило Гитлеру резко отклонить кандидатуру фон Вейхса и назначить вместо него Гиммлера. <...> Гитлер утверждал, что Гиммлер очень хорошо справился со своей задачей на Верхнем Рейне. Он имеет под рукой Резервную армию и поэтому напрямую может располагать ее ресурсами. Другими словами, он в состоянии быстрее всех обеспечить новый фронт людскими ресурсами, необходимым вооружением и боеприпасами. Потерпела неудачу даже робкая попытка спасти, по крайней мере, хорошо сработавшийся штаб группы армий фон Вейхса, чтобы тот помог рейхсфюреру СС. Более того, Гитлер приказал, чтобы Гиммлер сам подобрал себе людей для своего штаба. Гиммлер выбрал начальником своего штаба очень храброго бригадефюрера СС Ламмердинга, который до сих пор командовал

танковой дивизией СС, человека, который не имел ни малейшего понятия о тяжести штабной работы в формируемой группе армий. Моей скромной помощи, которую я смог оказать этому новому штабу, выделив в его распоряжение офицеров Генерального штаба, оказалось совершенно недостаточно, чтобы компенсировать основные недостатки командующего и его начальника штаба. Гиммлер собрал вокруг себя офицеров СС, которые были не в состоянии справиться с большей частью стоявших перед ними задач».

В рамках новой группы армий «Висла» перед Гиммлером стоит задача сконцентрировать все германские силы между Вислой под городом Торн (Торунь) и Одером восточнее Франкфурта. В этом районе находятся остатки 9-й и 2-й армий, а также временные боевые подразделения, сформированные военным округом Штеттина на границе Восточной Померании. Полковник Ганс Георг Айсман, назначенный начальником оперативного управления штаба группы армий «Висла», так описывает деятельность «полководца» Гиммлера в первые дни его работы на новом посту:

«24 января Гиммлер направился в своем поезде особого назначения «Штайермарк», который он использовал в качестве полевого штаба, в город Дейч-Кроне (совр. Валч). Отсюда он собирался взять на себя руководство существующей пока лишь на бумаге группой армий «Висла». Кроме самого Гиммлера и его адъютанта в поезде находились офицеры связи тех ведомств, которые возглавлял Гиммлер: самих СС, министерства внутренних дел, Главного управления имперской безопасности (РСХА), германской полиции, Резервной армии и так далее, кроме того, большое количество обслуживающего персонала. Поезд охранялся строго. Этот поезд особого назначения, в котором имелась небольшая радиостанция и оборудование для телефонных переговоров, полностью удовлетворял потребности Гиммлера как рейхсфюрера СС и шефа германской полиции. Но для штаба группы армий, даже если она занимала совсем небольшой участок фронта, не было никаких технических возможностей для нормальной работы.

Оба младших офицера Генерального штаба, которые были переведены к Гиммлеру 23 января, вынуждены были обращаться к разным секретаршам и референтам за разрешением поговорить по телефону, так как у них самих не было даже телефонного аппарата. Практически было невозможно напрямую связаться с какими-нибудь войсками, если только не обращаться за помощью к приданному к штабу отделу тыловой службы сухопутных сил, который начал свою работу с того, что занялся собственным благоустройством.

Когда вечером 26 января только что назначенный первый офицер Генерального штаба группы армий... прибыл в Дейч-Кроне, он посчитал себя счастливым из-за того, что прихватил с собой карту Померании и Вартегау масштабом 1:300 000, поскольку в штабе он не обнаружил ни одной нужной карты».

Полковник впервые видит Гиммлера так близко:

«[Я] увидел перед собой немного нервного, оживленного, но заинтересованного человека, который старался казаться энергичным. Он совершенно не отвечал тем представлениям, которые сложились [у меня] до сих пор о Гиммлере. В облике Гиммлера не оказалось ничего демонического, ничего ужасного, но и ничего примечательного. Это был немного полноватый мужчина среднего роста с кривоватыми ногами, который был одет в простую, но хорошо сидевшую на нем серую форму. В фас его лицо напоминало острый треугольник, который разделяла узкая полоска рта. В профиль бросался в глаза выступавший скошенный подбородок. <...>

В тот момент, когда Гиммлер вознамерился взять на себя руководство группой армий «Висла», а сначала вообще сформировать эту группу армий, он совершенно не задумывался ни о намерениях своего главного противника Жукова, ни о силах и возможностях, которые имелись у него самого. Но при отъезде из Берлина Гиммлер громогласно заявил, что остановит русских и отбросит их назад. В то время как они, забыв об осторожности, продвигались к Одеру, он не упустит возможности ударить им во фланг.

Он говорил о 9-й армии и о 2-й армии, которыми собирался оперировать, так, словно ничего не знал о том, что 2-я армия лишь с огромным трудом сумела сохранить свою целостность, а 9-я армия была рассеяна по ветру. Гиммлер говорил о пораженчестве и вере, о решительной энергии и необходимом даре импровизации».

Так, например, 27 января Гиммлер дает телеграммой следующие указания генерал-полковнику Вальтеру Вайсу, командующему 2-й армией, относительно фронта на Висле:

«1. Необходимо во что бы то ни стало удержать фронт на участке Мариенбург (Мальборк) – Эльбинг (Эльблонг). Этот участок фронта является прикрытием для важных портов Данциг (Гданьск) и Готенхафен (Гдыня) и исходным пунктом для последующих операций, которые должны восстановить надежную железнодорожную и автомобильную связь с Восточной Пруссией и тем самым с группой армий «Север».

2. Несмотря на крайнее истощение войск, фронт на Висле с плацдармами на правом берегу у городов Грауденц (Грудзендз) и Кульм (Хелмно) должен быть с полным напряжением всех сил стабилизирован в течение ближайших трех-четырех дней. Надо вырыть необходимые пехотные окопы, построить артиллерийские позиции, определить секторы заградительного огня, силами фольксштурма и местного населения построить блиндажи с деревянными перекрытиями и прорыть ходы сообщения, чтобы занявшие оборону и получившие передышку войска восстановили свое физическое и психологическое состояние и смогли отразить будущие атаки противника. Батальоны фольксштурма Западной Пруссии будут включены в состав дивизий сухопутных войск. На этих позициях должно быть обеспечено даже пополнение войск. В случае необходимости штурмовые орудия должны быть в состоянии создать огневую защиту от противника, сумевшего в каком-нибудь месте форсировать реку. Такая форма обороны особенно актуальна для участка фронта на Висле севернее Кульма (Хелмно).

3. Также с полным напряжением последних сил войск необходимо отвоевать у противника опасный выступ южнее Кульма (Хелмно), а также участок вдоль реки Нетце (Нотець), особенно до Бромберга (Быдгоща), затем войскам необходимо закрепиться на занятых позициях.

4. Я буду стремиться в кратчайший срок снабдить весь фронт на Висле 20-мм зенитками, а в особенно опасных местах тяжелыми зенитными батареями, а также оснастить весь фронт средними минометами, которые будут сконцентрированы в минометных батальонах фольксштурма.

5. Крепость Торн (Торунь) должна вести активные боевые действия. Только в этом случае она выполнит свое предназначение. Силами штурмовых групп она должна постоянно совершать вылазки и наносить как можно более чувствительные удары по вражеским войскам, а также прицельным огнем своих тяжелых орудий блокировать вражеские пути подвоза боеприпасов в Кульм (Хелмно), в излучину Вислы и южнее Вислы. Как было мной приказано, необходимо в кратчайшие сроки оборудовать взлетно-посадочную полосу на одной из улиц Торна (Торуни). Каждый самолет, приземлившийся в этом городе, должен вывозить раненых, а также сначала немецких, а затем и польских женщин и детей».

Такими и подобными приказами Гиммлер надеется стабилизировать Восточный фронт, чтобы затем снова отбросить русских с уже завоеванной ими немецкой земли. Стремительное русское наступление на Востоке ошеломило не только немцев, но и западных союзников Сталина. В последние дни января 1945 года газета «Нью-Йорк тайме» писала: «Весь германский Восточный фронт разваливается. Этот великолепный результат в своем влиянии на дальнейший ход войны превзошло взятие верхнесилезского индустриального района с его полудюжиной промышленных городов. В свете этих событий кажутся вполне обоснованными самые большие надежды. Успехи русского наступления настолько убедительно свидетельствуют о безнадежности положения Германии, что даже сам Геббельс признает, что в стране остается

всего лишь один шаг от порядка до анархии, от продолжения сопротивления до полного краха».

Эту картину дополнял вашингтонский корреспондент газеты «Нойе цюрихер цайтунг»: «С каждым днем русского наступления здесь [в Вашингтоне] постоянно растет интерес к политическому развитию событий в Германии. Официозный «Арми энд нэви джорнал» обсуждает возможность преобразования Комитета германских офицеров в России [Комитет «Свободная Германия»] во временное правительство и задается вопросом, нет ли договоренности между комитетом и командованием германских сухопутных войск, согласно которой русской армии должно оказываться только незначительное сопротивление как ответная услуга за гарантию личной безопасности. Однако в официальных кругах такие спекуляции не поддерживаются, хотя и допускается, что в случае капитуляции Германии там должна быть создана какая-то авторитетная власть и что за отсутствием представительной немецкой эмиграции в Соединенных Штатах или Великобритании группа офицеров под руководством генерал-фельдмаршала Паулюса могла бы оказать полезные услуги».

Корреспондент газеты «Нойе цюрихер цайтунг» сообщал также из Лондона:

«Русские победы, вторжение русских армий на территорию Германии, провал германского наступления на Западе, растущий хаос внутри Германии, о котором сообщает британская пресса из столиц нейтральных государств, – все это способствовало росту злободневности этой проблемы. К этому добавляются постоянные слухи о новых мирных предложениях Берлина, о новых подготовках к путчам и революциям в Германии, а также сообщения такого рода, как о расстреле временно исполняющего обязанности бургомистра Бреслау».

Противоречивость таких сообщений и слухов способствует лишь тому, что растет напряжение. В то же время следует отметить, что сообщения из Германии не оказывают здесь никакого политического воздействия и даже в малейшей степени не могут повлиять ни на политические, ни на военные цели Лондона».

Тем временем русское наступление продолжается с невероятной скоростью. 27 января германская 17-я армия оставляет верхнесилезский индустриальный район. Теперь создается новый оборонительный рубеж южнее этого района. Три дня спустя танки 1-го Белорусского фронта выходят к Одеру между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином и захватывают плацдармы на западном берегу к северу и к югу от Кюстрина. Фон Овен, личный референт по прессе Геббельса, входящий в ближайшее окружение имперского министра пропаганды, рассказывает:

«Сталин ante portas! Этот страшный клич, означавший, что враг у ворот, с быстротой молнии распространяется по столице рейха, когда сегодня утром [1 февраля] поступает сообщение, что русским удалось форсировать Одер. К западу от Одера у городка Киниц они создали плацдарм и силами около ста танков продолжают наступление на Врицен. А Врицен находится на расстоянии 60–70 километров от городской черты Берлина».

Как выяснилось, между Вриценом и Берлином нет абсолютно ничего. Ни противотанковых пушек, ни противотанковых заграждений, нет даже ни одного солдата. Любой танк может пройти эти 70 километров за два часа. Таким образом, эти сто русских танков, о которых было объявлено, могут без труда к обеду добраться до правительственного квартала Берлина. Такая возможность побуждает всех к активным действиям.

Министр [Геббельс] развивал бурную деятельность. Шах [заместитель Геббельса] получил задание мобилизовать первый призыв фольксштурма. Шпеер обещал вооружить их прямо с текущего производства. Появился генерал Хауеншильд. Он привел с собой своих офицеров Генерального штаба и разработал, сначала в общих чертах, план обороны столицы рейха. Министр поручил ему в короткий срок детально проработать этот план и затем как можно скорее представить его.

Откуда мы получим солдат? Короткий военный совет. Берлинский фольксштурм пополнится юнкерами и офицерами военных училищ, находящихся в Берлине и его предместьях. Это позволит сформировать первую дивизию. С предоставлением в ее распоряжение городских автобусов и прочего городского транспорта она превратится в моторизованную дивизию.

В берлинских танковых училищах находятся тысячи офицеров и рядовых. Где мы найдем для них танки? На берлинских вокзалах стоит множество танков, которые ожидают погрузки и отправки до станций назначения, которые уже давно заняты противником. Мы забираем эти танки для нужд обороны столицы. На городских заводах стоят и другие танки, у которых не хватает какой-нибудь мелочи, типа пулемета или оптических приборов. <...> Так совершенно неожиданно у нас появились от двухсот до трехсот тяжелых танков и самоходных орудий. К ним миллион литров горючего и достаточное количество боеприпасов всех калибров.

Еще до полудня – мы даже не успели перекусить – все танки со своими экипажами, с полными баками и боекомплектom были приведены в боевую готовность. В дополнение к этому Шпеер поставил 25 тысяч фаустпатронов. Доктор [Геббельс] с довольным видом потирал руки.

«Итак, – говорит он, – по мне, пусть теперь сто русских танков появляются. Мы устроим им теплый прием. Правда, сегодня утром все выглядело несколько иначе». <...>

И только теперь, после того как было сделано все самое необходимое, чтобы обеспечить хотя бы и такую вот импровизированную защиту Берлина, министр начал заниматься вопросом, который сильно беспокоил его с самого утра. Дело в том, что его семья находилась за пределами Берлина в городке Ланке. А Ланке лежит на полпути между нами и русскими позициями.

Только теперь туда посылают Швегермана [адъютанта Геббельса] с автомашиной, чтобы доставить в безопасное место фрау Геббельс с шестью детьми и самыми необходимыми вещами... Наш прежде такой тихий дом на Герман-Герингштрассе превратился с сегодняшнего дня в шумный лагерь беженцев.

Конечно, среди горожан возникло некоторое волнение. Когда началось возведение противотанковых заграждений и оборудование позиций для противотанковых пушек, появились самые нелепые слухи. Некоторые жители Берлина утверждали, что якобы они уже видели русские танки в восточных пригородах города, другие уверяли, что собственными ушами четко слышали лязг гусениц. Горожане начали штурмовать сберкассы и продовольственные магазины. Но нигде не происходило никаких инцидентов. По городской сети радиовещания передавались спецсообщения с целью успокоить население.

По вечерам министр, как и сегодня, почти каждый день находился у фюрера. По его словам, фюрер выглядит плохо, он бледен и очень нервничает. Так сегодня он судорожно сжимал в сложенных за спиной дрожащих руках карандаш, который трепетал как былинка на ветру».

Заметки о следующем дне звучали уже оптимистичнее:

«Угрожающее положение, сложившееся под Берлином, буквально за одну ночь изменилось в нашу пользу. Со вчерашнего вечера неожиданно наступила оттепель и снег тает. Журчание в водосточных желобах звучит в наших ушах как ангельская музыка. Реки Одер, Варта и Нетце (Нотец) со своими болотистыми поймами и бесчисленными каналами превратились в препятствия, благодаря которым наша оборона на угрожающих направлениях значительно укрепилась.

Советы не только не смогли продвинуться дальше, но и были вынуждены в некоторых местах отвести свои передовые отряды назад. Так и самый опасный для Берлина участок фронта, плацдарм на западном берегу Одера у города Киниц, хотя и не был полностью ликвидирован, но значительно сократился». (В ходе тяжелых боев 3 февраля – 30 марта Кюстринский плацдарм советские войска значительно расширили, кроме небольших участков северо-западнее и юго-западнее города Киниц (Киниц), где немцы ценой огромных потерь немного

потеснили советские дивизии (230, 301, 266-ю стрелковые и 89-ю гвардейскую стрелковую). *Ред.*)

Запись в дневнике фон Овена от 3 февраля 1945 года: «Оттепель продолжается. Нежный весенний ветерок дует на улицах Берлина, на которых повсюду усердно возводятся противотанковые заграждения и оборудуются позиции для противотанковых пушек. Страх перед русскими хотя и временно, но пока был преодолен. Да, без преувеличения можно говорить, что наступление Советов в общем и целом пока остановлено. Со всех участков фронта поступают сообщения о возрастании нашего сопротивления».

Берлин – в самую последнюю минуту – сумел еще раз спастись!

Глава 2

Красная армия на немецкой земле

В солнечный зимний день 4 февраля 1945 года в бывшем царском Ливадийском дворце в Крыму под Ялтой начинается историческая конференция. Руководители ведущих стран анти-гитлеровской коалиции, Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт и Иосиф Виссарионович Сталин встречаются здесь с целью обсудить последние приготовления к тому, чтобы как можно быстрее – и победоносно – закончить войну в Европе и Азии. Первое заседание открывает Рузвельт, который просит русских рассказать о положении на советско-германском фронте. Согласно русскому протоколу этого заседания, Сталин дает указание генералу армии Антонову исполнить просьбу своих западных союзников. После этого выступает начальник Генерального штаба:

«В период с 12 по 15 января советские войска перешли в наступление от Мемеля (Клайпеды) до Карпат на фронте в семьсот километров.

Войска генерала Черняховского атаковали Кёнигсберг.

Войска маршала Рокоссовского наступали вдоль северного берега Вислы, отрезав при этом Восточную Пруссию от Средней Германии.

Войска маршала Жукова вели наступление южнее Вислы в направлении на Познань.

Войска маршала Конева наступали в направлении на Ченстохова – Бреслау.

Войска генерала Петрова вели наступление в районе Карпат в направлении польского города Новы-Тарг.

Главный удар был нанесен фронтами Рокоссовского, Жукова и Конева на участке фронта Остроленка – Краков шириной триста километров. <...>

Когда советские войска вышли на рубеж рек Нарев и Висла (в ходе Белорусской операции летом 1944 г. – *Ред.*), выяснилось, что группировка противника в центральной части фронта способна оказывать чрезвычайно упорное сопротивление, так как противник понимал, что нанесенный из этого района удар привел бы наши войска кратчайшим путем в жизненно важные центры Германии.

Чтобы создать более благоприятные условия для своего наступления, советское Верховное главнокомандование решило ослабить эту центральную группировку противника.

С этой целью проводилась вспомогательная операция в направлении Восточной Пруссии и было продолжено наступление в Венгрии с направлением главного удара на Будапешт.

Направления обоих ударов оказались для немцев очень чувствительными, и они быстро отреагировали на наше наступление переброской сил на фланги за счет ослабления центрального участка фронта. Так из 24 танковых дивизий, которые стояли на нашем фронте и составляли главную ударную силу немцев, 11 танковых дивизий были направлены в Венгрию в направлении Будапешта, а 6 танковых дивизий были переброшены в Восточную Пруссию (в Курляндии стояло еще три танковых дивизии). В результате на центральном участке фронта у немцев осталось только четыре танковых дивизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.